

А. П. Белова

**ВЕЩНОЕ ПОЛЕ ЕВГРАФА МИРОНОВА
В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОЙ ИДЕИ СМИРЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТРИЛОГИИ В. И. БЕЛОВА «ЧАС ШЕСТЫЙ»)**

*Институт содержания, методов и технологий образования
Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия*

Аннотация. В статье представлено описание вещного поля одного из главных героев трилогии В. И. Белова «Час шестой» – Евграфа Миронова. Отмечается, что в крестьянской эпопее изображаемые события, персонажи, вещи функционируют в двух временных измерениях (реальном историческом и мифологическом, библейском, вечном). Этим обусловлено превращение бытовых вещей в символы. Актуальность работы определяется значимостью изучения предметного среза произведения для уточнения некоторых положений антропоцентрической концепции автора. В работе используются сравнительно-типологический, историко-генетический, структурно-семиотический методы. Результаты исследования демонстрируют аксиологическую доминанту образа персонажа – христианское смирение. В вещном поле персонажа выделяются предметы, которые актуализируют семантику пути, испытания, мытарств (сапоги, котомка), связи с богом (сундук, шуба, икона). Предметы, образующие вещное поле героя, связаны с идеей жизни русского человека как странствия, в результате которого персонаж получает жизненный опыт, позволяющий ему ощутить смирение как благодать. Новизна работы заключается в том, что исследуется семиотика вещей, принадлежащих одному герою, образующих его вещное поле, устанавливаются типологические связи между этими предметами, на основании чего герой характеризуется как особый тип личности – благовонный праведник в смердящем мире. Методологическую базу исследования составили труды А. Чудакова, В. Топорова, Т. Цивьян.

Ключевые слова: *вещное поле, трилогия, вещь, смирение, путешествие, испытание*

А. P. Belova

**EVGRAF MIRONOV'S MATERIAL FIELD
IN THE CONTEXT OF THE CHRISTIAN IDEA OF HUMILITY
(BASED ON V. I. BELOV'S TRILOGY "THE SIXTH HOUR")**

*Institute of Content, Methods and Technologies in Education,
Moscow City University, Moscow, Russia*

Abstract. The article describes the material field of one of the main characters of V. I. Belov's trilogy "The Sixth Hour" – Yevgraf Mironov. It is noted that in the peasant epic, the events, characters, and things depicted function in two temporal dimensions (real historical and mythological, biblical, and eternal). This is due to the transformation of everyday things into symbols. The relevance of the work is determined by the importance of studying the subject section of the work in order to clarify some provisions of the author's anthropocentric concept. Comparative-typological, historical-genetic, structural-semiotic methods are used in the work. The results of the study demonstrate the axiological dominant of the character's image – Christian humility. In the material field of the character, objects are highlighted that actualize the semantics of the path, trials, ordeals (boots, knapsack), connections with God (chest, fur coat, icon). The objects forming the material field of the hero are connected with the idea of the life of a Russian person as a journey, as a result of which the character receives a life experience that allows him to feel humility as grace. The novelty of the work lies in the fact that it explores the semiotics of things belonging to one hero, forming his material field, and establishes typological connections between these

objects, on the basis of which the hero is characterized as a special type of personality – a fragrant righteous man in a stinking world. The methodological basis of the research was the works of A. Chudakov, V. Toporov, T. Tsivyan.

Keywords: *material field, trilogy, thing, humility, journey, trial*

Введение. В трилогии В. И. Белова «Час шестой» изображается крестьянская Вселенная в особый, пороговый момент ее жизни. Подзаголовки романов («Кануны. Хроника конца 20-х годов», «Год великого перелома. Хроника начала 30-х годов») указывают на особенность изображения времени в произведениях – это и реальное историческое время, и время мифологическое, библейское. Название третьего романа («Час шестой») стало названием всей трилогии – тема шестого часа задает определенный ракурс изображения персонажей, событий (помня о распятии Христа, о его страданиях, читатель заведомо знает, к какой именно точке стремится жизнь героев).

Постоянным спутником человека, основным строительным элементом его мира, микрокосмоса, по мнению Т. В. Цивьян, является вещь [14, с. 121]. Следовательно, и жизнь вещей в трилогии В. И. Белова освещается в двойном ракурсе: будучи бытовыми предметами, функционируя в этой неоднородной действительности (20–30-х гг. XX в. и одновременно в вечности), они наполняются символическим смыслом, превращаются в мифологемы. Предметный мир становится одним из элементов поэтики, наиболее полно выявляющим драматические изменения национального космоса [1, с. 265].

В «крестьянской трилогии» изображаются судьбы крестьян [12, с. 496]. Мучительно переживая уничтожение родной Шибанихи, пытаясь сохранить человеческое достоинство, ограждая себя от «бесов», герои стремятся сберечь лад в своей душе. Сохранить его становится особенно сложно, т. к. многие вещи, без которых персонаж не представлял свою жизнь, отнимаются, уничтожаются: раскулаченный, он, как правило, остается без дома, без привычной утвари, одежды, обуви, без орудий труда, которые часто воспринимаются человеком как продолжение собственных рук. Таким образом, вещное поле героя трилогии меняется: из него могут исчезнуть одни предметы, добавиться другие; как правило, это поле сокращается, в нем остаются только самые важные для героя вещи. Эти предметы раскрывают специфику картины мира персонажа [11, с. 2939].

Цель исследования – раскрыть аксиологическую доминанту образа одного из главных героев трилогии В. И. Белова «Час шестой» (Евграфа Миронова) через постижение смыслов вещного поля.

Вещное поле героя конституируется предметами-репрезентантами. Эти единицы, по мнению А. Чудакова, несут в себе главные качества изображенного мира, в который эта вещь входит [16, с. 254]. Потому изучение этого предмета – существенная и необходимая ступень в установлении свойств всего этого мира [16, с. 254].

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена возможностью рассмотреть литературоведческую категорию вещи в новой перспективе – как элемент вещного поля персонажа. Подобный подход к анализу художественного мира произведения особенно важен, поскольку позволяет уточнить отдельные положения антропоцентрической концепции автора.

Материал и методы исследования. Основным материалом для исследования является трилогия В. И. Белова «Час шестой», книга очерков о народной эстетике «Лад» [4], святоотеческие труды о смирении ([6], [9]). Для анализа романного материала применяются: сравнительно-типологический метод, необходимый для выявления элементов вещного поля персонажа, типологизации и сопоставления выделенных предметов; историко-генетический метод, который дает возможность выявить истоки предметного образа, что,

в свою очередь, позволяет уточнить авторский взгляд на мир; с помощью структурно-семиотического метода реконструируется семантический ореол вещного мира, в итоге раскрывающий специфику мирозерцания персонажей.

Результаты исследования и их обсуждение. Евграф Миронов – один из главных героев трилогии В. И. Белова «Час шестой». Фамилия персонажа, которая происходит от одного из двух греческих слов («*τιγόν*» – «благовонное масло» или «*τιγών*» – «плачущий»), содержит в себе комплекс мотивов: пути, дарения, слез, запаха. Евграфу суждено пройти путь от кулака до раскулаченного, от заключенного до освободившегося, от золотаря до председателя колхоза. Он преодолевает границу между мирами (старой и новой Шибанихой, городом и деревней, домом и тюрьмой, адом и раем), используя разные предметы. Первым важным сигналом о предстоящих в судьбе Евграфа изменениях, ожидающих его мытарствах, является сундук.

Сундук как ковчег. Из множества сундуков, изображенных в трилогии «Час шестой», самая подробная биография у сундука Мироновых. В первом романе трилогии (в «Канунах») этот предмет хранится, подобно сказочному сокровищу, в горнице, в которую ведет дверь, на филенке этой двери изображен «красивый гривастый зверь» – лев [2, с. 350]. Содержимое сундука (кружево) становится опасным для его владельца: кружева отныне считаются роскошью, на семью Евграфа наложен (отчасти и из-за этого богатства) огромный налог. Опасаясь раскулачивания, домочадцы вынесли этот предмет из дома и спрятали его в яму на чужом дворе. Весной сундук вытаял. Его, как вещь, не имеющую хозяина, шибановцы привезли на главную дорогу в деревне и оставили посередине этой дороги (об особой связи, существующей между домом и персонажем, являющимся владельцем этого дома, пишет К. Партэ [17, с. 65]). Как вытаявший никому не нужный сундук, хозяин которого не нашелся, так и дом Евграфа в это же самое время превращается в подобие этого сундука: он лишается своего главы (в одно и то же время параллельно разворачиваются два эпизода: возвращение сундука и раскулачивание Мироновых). Возможно, появление сундука в этот момент можно интерпретировать как некое предвосхищение сюжета (то, что случилось с ним, сейчас произойдет и с домом, в котором ранее «жил» сундук). Если учесть привязанность вещи к дому, владельцу (о чем пишет В. Топоров [13]), то, вероятно, сундук таким образом обозначил себя, чтобы разделить участь хозяев, попрощаться с ними. Отметим, что, судя по всему, в этом переплетении двух историй (про вытаявший сундук и про скрывшееся в доме Евграфа начальство) есть особый смысл: дом Евграфа назван хоромами, эти хоромы уже без сундука, это нарушение их полноты / наполненности, вещи из них уже «разбредаются по свету», хотя в данный момент они каким-то чудом находят дорогу обратно к своему дому, но не могут в него вернуться, т. к. он описывается, семья раскулачивается.

В третьем романе трилогии судьбы хозяина и вещи почти полностью дублируются: вернувшийся из «домзака» Евграф ищет избу, в которой он сможет поселиться с семьей, его одежда издает зловонный запах (кроме того пиджака, в котором он работал золотарем, другой одежды у Миронова нет), возвращающийся сундук (до времени хранившийся у других людей) воссоединяется с хозяевами, обретает дом, его сломанный замочек печально звенит (в унисон печальным мыслям Евграфа), а вещи, сохранившиеся в нем, источают прогорклый запах. Однако именно после возвращения сундука все в семье и доме начинает ладиться: воссоздается печь, семья воссоединяется, в души героев приходит покой. Засыпая под крышей «нового» дома, каждый член семьи так или иначе вспоминает о Боге (Евграф молится Николаю Угоднику, до его слуха доносится молитвенный шепот жены Марьи, дочь Палашка перед сном перекрестила Марютку). Таким образом, в сундуке Евграфа Миронова актуализируется его прообраз – ковчег (символ завета между Богом и людьми). Отметим, что в контексте «сундучной» истории значение фамилии его владельца

наполняется новым смыслом – созданный по указанию Господа сундук был освящен миром (следовательно, Евграф Миронов – избранный владелец сундука, с которым он связан навсегда, которому предначертано претерпеть, как ковчегу, скитания, страдания: ковчег завета странствовал со своим народом, затем – из города в город).

Христианская Церковь толкует Ковчег завета метафорически, христологически, аллегорически, историософско-типологически. Христологическое толкование предполагает соотнесение судьбы ковчега со страданиями Христа (ковчег подвергался бесчестию в плену у иноплеменников подобно тому, как и Бог). В то время как сундук Мироновых кочует по земле, члены семьи страдают (Евграф в тюрьме, его жена и дочь – в родной деревне без собственного угла). Метафорическое толкование образа ковчега заключается в том, что внутреннее состояние человека характеризуется как «внутренний ковчег», «ковчег сердца». «Внутренний ковчег» Евграфа Миронова и его жены Марьи – это упование на помощь Бога, терпение, смирение, любовь.

Шуба агнца. Актуализация мотива одежды, по замечанию О. Г. Лазареску [8, с. 357], теснейшим образом связана со спецификой национального бытия и национального самосознания. В русской литературе особое место отводится некоторым предметам одежды – кафтану и его зимнему варианту (тулупу / шубе).

Арестованный Евграф Миронов находится в бане районного поселка (в ней держат людей до суда). Затем его приводят в кабинет следователя Скачкова. Вот как описывается появление Миронова в этой комнате: «В сопровождении милиционера в дверях стояла сама синеблузница, а позади нее – из-под земли что ли? – перетаптывался своими мокрыми валенками не кто иной, как Евграф Миронов. Его дубленая шуба еще в прихожей воняла овчиной. Под широко растоптанными валенками стояли целые лужи» [3, с. 236]. Евграф, рассказывающий о том, как прохвост Микуленок «девку в гумне уделал» (Евграф говорит о своей дочери Палашке), приходит в ярость, поэтому милиционер хватает его за рукав, «да так, что рукав треснул» [3, с. 237]. Когда Миронов делает шаг в сторону Микуленка, чтобы схватить его за ворот, Евграфа вновь останавливает милиционер: он удерживает арестованного за второй рукав. В этой шубе Евграф идет по улице (в пасхальный день) в сопровождении милиционера (назад в баню): «Шуба раскисла, зимняя шапка промокла...» [3, с. 239]. Таким образом, в описании шубы Евграфа отмечается ее материал (овчина), издаваемый ею запах (шуба «воняла»), ее важный элемент – рукава, которые трещат, когда представитель власти удерживает Миронова, готового схватить за ворот Микуленка.

Одежда – это своего рода «оболочка» человека (о чем пишет В. И. Белов в книге «Лад» [4, с. 166]). В упомянутом эпизоде важное значение имеет указание на животное, из шкуры которого и сшита шуба, т. е. свойства и качества животного переносятся на персонажа, который носит шубу. Дубленая шуба из овчины Евграфа Миронова может быть интерпретирована как знак особого положения героя в новом мире – он христианин в стане неверующих. Представление о верующих-овцах сформировалось под влиянием Библии. По народной этиологии овцу создал Бог, затем она «из рая выскочила» [5, с. 502]. Согласно одной из народных легенд, «овца прикрыла своей шерстью Христа, когда он прятался от преследователей евреев» [5, с. 502]. Образ овцы в Библии связан с представлением о ней как жертвенном животном, с представлением о стаде овец (малое стадо – ученики Христа, большое стадо – верующие), о пастыре овец (Христе), об Иисусе как агнце. Образ овец и их использование в жертвоприношениях становятся метафорой гонений и мученичества (например, в Псалтири или в Послании апостола Павла к Римлянам). Евграф в овчинной шубе – агнец, которого приносят в жертву, он со смирением пройдет через все испытания (тюрьму и нападение блатных, работу золотарем, станет бездомным, который, вернувшись в родную деревню, будет готов пойти в пастухи; в послесловии к трилогии упоминается, что Евграф получит новый срок – за падеж скота). Не случайно

и милиционер дважды хватается Евграфа за рукава шубы (хватает так, что они трещат): нарушить целостность одежды, оторвать рукава (которые соотносятся с руками) – причинить человеку боль, совершить насилие, подчинить своей воле. Однако об агнце всегда позаботится его главный Пастырь. В контексте рассматриваемого эпизода особо важной становится фраза Евграфа, которую он произносит в ответ на слова Скачкова (следовательно говорит, что отправит Евграфа ломать спины моржам): «Не я первый, не я последний, – перекрестился Евграф. – Господь не оставит...» [3, с. 238]. Допрос у следователя и обратная дорога в баню происходят в значимый для всех христиан день – в Пасху. С этим праздником связано представление об овце (Иисус – не только Пастырь, но и закланый Агнец). Неожиданная встреча с Пашкой Роговым (имя которого в устах ненца Тришки превращается в Паску – что созвучно названию праздника) становится своеобразным подарком для Евграфа: Пашка отдает ему свои сапоги. В этих сапогах Миронов должен пройти новые испытания.

Железные сапоги – переход из одного мира в другой. В подаренных Павлом Евграфу сапогах Миронов выйдет из вологодского «домзака», когда его освободят. При взгляде на развалившуюся «обутку» герой испытывает стыд: «Не сапоги, не валенки, не лапти, не шоптаники, а какое-то дикое содружество опорок и тряпок, похожее на обутку украинских выселенцев, – вот что осталось от прежних яловых сапог!» [3, с. 381]. Все виды обуви, перечисленные в цитате из третьего романа трилогии, обладают семантикой дороги, испытаний, перехода из одного мира в другой (чаще всего в мир мертвых). В приведенном фрагменте текста подчеркивается, что Евграф износил эту пару обуви – самые страшные испытания он выдержал. Вышедший из ворот «домзака», он осеняет себя «летучим крестом». Миронов в первые минуты на свободе думает о двух годах, которые провел в тюрьме, упоминает Господа: «И вот – выбрался! Вытерпел все, что послал Господь за грехи» [3, с. 382]. Преподобный авва Дорофей объясняет, что смирение постигается исключительно опытом, а не мыслительными усилиями [10], преподобный Иоанн Лествичник говорит, что смирение – безымянная благодать души, имя которой только тем известно, «кои познали ее собственным опытом» [9, с. 280]. Смирение Евграфа постигается именно его опытом.

Вернуться сразу в родную деревню Евграф не может: у него нет денег на билет на поезд. Миронов смиренно просит помочь ему разных людей: старушку, копающуюся в огороде, помощника машиниста поезда. Наконец, он обретает в лице вологодского золотаря волшебного помощника (золотарь предлагает Евграфу работать вместе, за работу Евграфу выплачивают деньги, затем новый друг дарит Евграфу старые сапоги).

Евграф дважды становится обладателем чужой обуви. Сам мотив дарения обуви указывает на долгий путь, ожидающий одариваемого. В народных представлениях обувь становится особо значимым предметом в контексте обрядов (проводы на тот свет). Несколько пар изношенных сапог, которые переходят Евграфу, моделируют его судьбу: персонажа ждут новые испытания, отправляясь в путь, он, скорее всего, окажется в другом мире (на том свете: в тюрьме). То, что одна и та же пара обуви меняет владельцев, указывает на то, что все эти герои разделяют одну судьбу (раскулаченные, обездоленные, разлученные с семьей, вынужденные скитаться по свету, терпеть унижение, стыд, боль).

Смердящая котомка – смердящий мир. Образ котомки играет важную роль в русских обрядах и традициях. С котомкой, славя Господа, ходили калики переходные. Ее собирали человеку, если он отправлялся в дальний путь (и если он отправлялся в последний путь). Набор предметов, которыми наполняли котомку, был строго регламентирован; эти вещи должны были помочь человеку преодолеть границу между миром живых и миром мертвых. В третьем романе трилогии В. И. Белова котомка проделывает в некотором смысле инверсированный путь: с ней идет возвращающийся из тюрьмы в родную Шибаниху (не в царство мертвых, а из него, из ада в рай) Евграф Миронов. Поначалу котомка

пустая. Однако по мере преодоления новых препятствий она начинает заполняться новыми вещами (никто персонажу не дарит, не передает эти вещи; в земной жизни он должен заработать на эти вещи сам). Когда за труд золотаря Евграф получил деньги, он сразу купил внуку Витальке радужного, пахнущего лаком, веселого игрушечного петуха. Петух в народной традиции – райская птица. Игрушечный петух радужного цвета (радуга, по народным поверьям, до потопа была одноцветной, после потопа Бог сделал ее разноцветной в знак того, что потопа больше не будет) выступает заместителем живой птицы. Мысль Евграфа о том, что в котомке он несет гостинец внуку, наполняла Миронова радостью. Отметим, что его котомка, из которой он достает подарок, вонючая (это материальный след его мытарств: он насквозь пропитался специфическим запахом, т. к. трудился золотарем, и вся его одежда, и его котомка стали источать сильный неприятный запах). Человек и предмет (одежда, котомка) здесь как бы уравнились в правах: они «разговаривают» на одном и том же языке – языке запаха. Смердящий мир не может не повлиять на человека, однако Евграф (вспомним его «благовонную» фамилию, с точки зрения святителя Игнатия Брянчанинова, смирение благоухает [6]) точно знает, что этому миру противопоставить: в своей вонючей котомке он несет радужного петуха для внука (спасение – в любви к Господу, родным, смирении).

Икона. Один из главных предметов вещного поля Евграфа Миронова – икона. Вернувшийся из тюрьмы в родную деревню, Евграф пытается найти избу или сруб, в которой он мог бы поселиться вместе с семьей. На краю деревни он увидел избу, некогда принадлежавшую какому-то бобылю, которая гнила со времен турецкой войны. Дверь в нее открыть невозможно. Евграф смотрит в дверную щель и видит в полумраке некрашенный деревянный посудник, божницу с почерневшей иконой. Евграф не смог разглядеть, какая именно это икона («Вроде Никола...» [3, с. 411]). Миронов «подумал вдруг», что изба ничья, в сенцах можно перестелить пол, двери сами откроются. «Евграфу показалось на миг, что там, в избе, Николай – Угодник Божий – проявил тусклый свой лик и на секунду открыл уста...» [3, с. 411].

Основные элементы иконы предусматриваются иконописным канонам [15, с. 24]: изображение глаз, носа, рта диктуется традицией. Как показывает изучение источников ([7], [15]), уста Богоматери, святых принято изображать закрытыми. Если сюжет, который изображен на иконе, рассказывает о том, что персонаж все-таки открывает уста (например, как Богоматерь, чтобы предупредить людей об опасности), то на иконе этот герой будет представлен с сомкнутыми устами (т. е. на иконе не фиксируется момент, когда изображенный разомкнул уста). В приведенном из трилогии эпизоде Евграфу «показалось на миг», что Угодник Божий открыл уста. Уста, согласно библейской традиции, отверзаются тогда, когда требуется выразить то, что на сердце. Уста Бога отверзаются только для тех, кто со смирением, послушанием, верностью готов воспринимать слово Господа. Следовательно, Николай Угодник, открывший свои уста, показывает, что Евграф – один из тех, в ком живет смирение, послушание и верность.

Выводы. Многие предметы вещного поля Евграфа Миронова обладают семантикой дороги, испытания, мытарств (например, сапоги, котомка). Отдельные предметы (шуба) указывают на особое положение героя в мире: он жертва, агнец, который со смирением проходит свой путь.

Часть предметов, которые образуют вещное поле Евграфа Миронова, смердит. Запах, источаемый его шубой, одеждой, котомкой – запах внешнего мира, который не смог повлиять на героя, и потому он остается верным Господу – остается Мироновым (в смердящем мире «бесов» уповает на Бога, молится, сохраняя лад в душе).

Преодолев странствия, путешествие в загробный мир, побывав в плену у иноплемеников, Евграф сохранил «ковчег сердца» и, подобно сундуку, вернулся домой.

Вещесфера Евграфа Миронова актуализирует одну из главных христианских добродетелей человека в художественном мире трилогии – смирение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аркатова Т. Е. Вещное поле Дмитрия Медведева в контексте христианской традиции нестяжательства (по роману В. И. Белова «Все впереди!») // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – Вып. 4(60). – С. 265–268.
2. Белов В. И. Собрание сочинений : В 7 т. Т. 3 : Повесть. Роман. – М. : Классика, 2011. – 512 с.
3. Белов В. И. Собрание сочинений : В 7 т. Т. 4 : Романы. – М. : Классика, 2011. – 616 с.
4. Белов В. И. Собрание сочинений : В 7 т. Т. 5 : Очерки. Произведения для детей. – М. : Классика, 2011. – 632 с.
5. Белова О. В., Бушкевич С. П. Овца // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 3. – М. : Международные отношения, 2009. – С. 501–505.
6. Брянчанинов И. Симфония по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова). – М. : Дарь, 2008. – 775 с.
7. Кондаков Н. П. Иконография богоматери. В 2 т. Т. 1 : СПб. : изд. Отделения рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1914 [Электронный ресурс]. – URL : https://azbyka.ru/otechnik/Nikodim_Kondakov/ikonografija-bogomateri-tom1/#source (дата обращения: 06.04.2025).
8. Лазареску О. Г. Предметный мотив одежды в русской литературе и фольклоре // Преподаватель XXI век. – 2013. – № 3–2. – С. 356–368.
9. Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица, возводящая на небо. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2022. – 592 с.
10. Лизгунов П. Истоки понятия «смирение» [Электронный ресурс] // Монастырский хронограф. – URL : <https://monasteri.cerkov.ru/2025/04/01/istoki-ponyatiya-smirenije/#t7> (дата обращения: 21.01.2026).
11. Пучкова А. Е. Предметный мир в российской массовой прозе второй половины XVIII века (Михаил Чулков, Матвей Комаров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18, Вып. 7. – С. 2929–2934.
12. Разуvalова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 616 с.
13. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное. – М. : Прогресс – Культура, 1995. – 624 с.
14. Цивьян Т. В. Семиотические путешествия. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. – 248 с.
15. Шеко Е. Д., Сухарев М. И. Основы иконописного рисунка: учебно-методическое пособие. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2018. – 95 с.
16. Чудаков А. П. Предметный мир литературы (К проблеме категорий исторической поэтики) // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М. : Наука, 1986. – 336 с.
17. Parthe K. F. Russian Villiage Prose: Radiant Past. – Princeton University Press, 1992. – P. 92–98.

Статья поступила в редакцию 22.01.2026

REFERENCES

1. Arkatova T. E. Veshchnoe pole Dmitriya Medvedeva v kontekste hristianskoj tradicii nestyazhatel'stva (po romanu V. I. Belova «Vsyo vpered!») // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2008. – Вып. 4(60). – S. 265–268.
2. Belov V. I. Sobraenie sochinenij : V 7 t. T. 3 : Povesť. Roman. – M. : Klassika, 2011. – 512 s.
3. Belov V. I. Sobraenie sochinenij : V 7 t. T. 4 : Romany. – M. : Klassika, 2011. – 616 s.
4. Belov V. I. Sobraenie sochinenij : V 7 t. T. 5 : The essays. Works for children. – M. : Klassika, 2011. – 632 s.
5. Belova O. V., Bushkevich S. P. Ovca // Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'. V 5 t. T. 3. – M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009. – S. 501–505.
6. Bryanchaninov I. Simfoniya po tvorenijam svyatitelya Ignatiya (Bryanchaninova). – M. : Dar, 2008. – 775 s.
7. Kondakov N. P. Ikonografiya bogomateri. V 2 t. T. 1 : SPb. : izd. Otdeleniya rus. yaz. i slovesnosti Imp. Akad. nauk, 1914 [Elektronnyj resurs]. – URL : https://azbyka.ru/otechnik/Nikodim_Kondakov/ikonografija-bogomateri-tom1/#source (data obrashcheniya: 06.04.2025).
8. Lazaresku O. G. Predmetnyj motiv odezhdy v russkoj literature i fol'klоре // Prepodavatel' XXI vek. – 2013. – № 3–2. – S. 356–368.
9. Prepodobnyj Ioann Lestvichnik. Lestvicza, vozvodyashhaya na nebo. – M. : Izd-vo Sretenskogo monasty`rya, 2022. – 592 s.

10. Lizgunov P. Istoki ponyatiya «smirenije» [Elektronnyj resurs] // Monastyrskij hronograf. – URL : <https://monasteri.cerkov.ru/2025/04/01/istoki-ponyatiya-smirenije/#r7> (data obrashcheniya: 21.01.2026).
11. Puchkova A. E. Predmetnyj mir v rossijskoj massovoj proze vtoroj poloviny XVIII veka (Mihail Chulkov, Matvej Komarov) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2025. – T. 18, Vyp. 7. – S. 2929–2934.
12. Razuvalova A. Pisateli-«derevenshchiki»: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-h godov. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. – 616 s.
13. Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. Izbrannoe. – M. : Progress – Kul'tura, 1995. – 624 s.
14. Ciy'an T. V. Semioticheskie puteshestviya. – SPb. : Izd-vo Ivana Limbaha, 2001. – 248 s.
15. Sheko E. D., Suxarev M. I. Osnovy` ikonopisnogo risunka : uchebno-metodicheskoe posobie. – M. : Izd-vo PSTGU, 2018. – 95 s.
16. Chudakov A. P. Predmetny`j mir literatury` (K probleme kategorij istoricheskoy poe`тики) // Istoricheskaya poe`tika. Itogi i perspektivy` izucheniya. – M. : Nauka, 1986. – 336 s.
17. Parthe K. F. Russian Villiage Prose: Radiant Past. – Princeton University Press, 1992. – P. 92–98.

The article was contributed on January 22, 2026

Сведения об авторе

Белова Анна Павловна – методист отдела методологии и перспективной дидактики Института содержания, методов и технологий образования Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0009-0002-6138-7301>, anna_p_b@mail.ru

Author Information

Belova, Anna Pavlovna – Methodologist of the Department of Methodology and Advanced Didactics, Institute of Content, Methods and Technologies in Education, Moscow City University, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0009-0002-6138-7301>, anna_p_b@mail.ru